

ской рисовальной школѣ Н. И. Мурашко, потомъ въ одной изъ гимназій, въ художественномъ училищѣ и, наконецъ, въ послѣднее время въ кievскомъ политехническомъ институтѣ.

Еще такъ недавно, въ 1910 году, покойный праздновалъ 25-лѣтній юбилей своей художественной дѣятельности, и здѣсь-то получилась достойная оцѣнка обществомъ его скромной, но полезной художественной дѣятельности.

Е. Маковский.

Письмо Х. Д. Алчевской.

Всѣмъ знакомымъ съ судьбами народнаго образованія въ Россіи хорошо извѣстно имя Х. Д. Алчевской—одной изъ выдающихся дѣятельницъ въ этой области. Это имя тѣснымъ образомъ связано съ исторіею воскресныхъ школъ, а затѣмъ съ книгою «Что читать народу», получившею между прочимъ высокую награду (*grand prix*) на парижской выставкѣ.

Въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ просвѣтительной дѣятельности Х. Д. даемъ мѣсто ея письму къ одному изъ украинцевъ. Письмо это, написанное въ самое послѣднее время, представляетъ несомнѣнный интересъ въ сферѣ имено тѣхъ вопросовъ, которые призвана освѣщать «Украинская Жизнь».

...Вы выразили интересъ къ вопросу, люблю ли я мою родину Украину и что именно сдѣлала для нея.

Съ удовольствіемъ готова отвѣтить на этотъ вопросъ!

Начну *ab ovo*.

Я родилась въ Черниговской губерніи, въ уѣздномъ городкѣ Борзнѣ. Отецъ мой былъ истый малороссъ Кіевской губерніи, кормилица моя, Гапка, была большая патриотка. Она обожала свою Борзну и думала, что лучшаго города не существуетъ нигдѣ на свѣтѣ. «Свята Борзна!»—говорила она обыкновенно съ чувствомъ. Она воображала также, что лучшаго и болѣе грандіознаго дома, какъ борзненскій острогъ нигдѣ нѣтъ, и когда хотѣла похвалить какое-либо жилище, то говорила: «Гарно, якъ в острозі!», хотя внутри его никогда не была. Очень можетъ быть, что съ молокомъ этой Гапки я всосала любовь къ своей родинѣ Украинѣ, къ своему народу.

Но судьбѣ угодно было разлучить меня съ нею, и мнѣ было всего семь лѣтъ, когда отецъ мой получилъ назначеніе по службѣ въ Курскъ. Тамъ прошло мое дѣтство, моя молодость. Но, каждый разъ, когда мнѣ говорили о Малороссіи, когда мнѣ приходилось заслушиваться украинской пѣсней, когда я слышала декламацию украинскаго стихотворенія, меня охватывало какое-то особенное чувство, и я повторяла мысленно: «Боже мой, если бы судьба забросила меня въ эту поэтическую, родную мнѣ страну!» Мечта моя осуществилась: въ 21 годъ, выйдя замужъ за истаго украинца, я очутилась въ Харьковѣ, въ украинскомъ кружкѣ «Громада», состоящемъ изъ 80 человекъ студен-

товъ и семинаристовъ, во главѣ котораго стоялъ мой мужъ. Здѣсь я услышала чудныя украинскія пѣсни, услышала родную украинскую рѣчь, познакомилась съ пылкими стремлениями этой идейной молодежи, стремящейся сблизиться со своимъ народомъ, сдѣлать его грамотнымъ и приобщить его къ цивилизованному міру. Молодежь эта не только пѣла свои чудныя пѣсни, стараясь закрѣпить ихъ въ сознаніи народа, не только собиралась для обсужденія того, какой именно путь избрать для достиженія этихъ цѣлей, но и составляла брошюры литературнаго и научнаго содержанія, которыя назывались у насъ «метелики». Эти маленькія разноцвѣтныя книжечки разлетались дѣйствительно какъ мотыльки во всѣ отдаленные углы Украины и читались нарасхватъ и людьми интеллигентными, которые сочувствовали этому движенію, и тѣми народными грамотѣями, которыхъ — увы! — рѣдко можно было тогда встрѣтить въ народѣ.

Со всѣмъ пыломъ молодости я отдалась тогда этому движенію и съ жаромъ принялась за изученіе украинскаго языка. Пѣснями я научилась быстро, и мой огромный молодой, звучный голосъ ярко выдѣлялся среди большого мужского хора.

Въ этомъ украинскомъ кружкѣ было немало выдающихся людей, прославившихся впослѣдствіи въ литературѣ, какъ, на примѣръ, поэтъ Мова, Нордега и др. Залетали къ намъ и заѣзжіе гости: Кулишъ, Стороженко и профессоръ Пулюй изъ Галиціи, Рыльскій изъ Кіева. Это вызывало еще большее оживленіе нашего и безъ того оживленнаго кружка, еще больше подымало духъ.

Умный и даровитый Кулишъ поразилъ меня своей красотой. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ правильнымъ выразительнымъ лицомъ, съ умными, глубокими глазами, съ темными «вусами», напоминающими картины типичныхъ запорожцевъ. А когда онъ начиналъ говорить, эти глубокіе глаза оживлялись какимъ-то затаеннымъ огнемъ, выхваченнымъ изъ историческаго романа.

Что касается Стороженко, то онъ удивительно читалъ свои произведенія, особенно юмористическія, и когда онъ читалъ у насъ свои «Вуси», громкій смѣхъ стоялъ въ комнатѣ.

Но, кажется, самое большее впечатлѣніе произвелъ на меня профессоръ Пулюй. До его появленія въ «Громадѣ» я слыхала разговоры нашихъ громадянъ обыкновенно на житейскія темы, слыхала простой народъ съ его звучнымъ, поэтическимъ простымъ языкомъ, но вообразить себѣ профессора съ чисто-научной рѣчью, говорящаго на высокія темы, я никакъ не могла и слушала его съ какимъ-то благоговѣніемъ. Этому чувству благоговѣнія способствовало, быть можетъ, и то обстоятельство, что, проведя молодость въ ретроградномъ городѣ Курскѣ, гдѣ книги продавались только въ игрушечныхъ лавкахъ, я никогда не встрѣчала профессора, и, очутившись въ Харьковѣ, восторженная и увлекающаяся, говорила умоляющимъ тономъ: «Бога ради, покажите мнѣ профессора!» И мнѣ показали кумира нашего кружка, профессора Потембу, съ античнымъ, точно выточен-

нымъ профилемъ, съ свѣтлыми золотистыми волосами, съ какимъ-то вдохновеннымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Онъ привлекалъ къ себѣ самую горячія симпатіи молодежи и, когда онъ говорилъ намъ объ историческомъ прошломъ нашей родины, о нашей пѣснѣ, о нашей поэзіи и призывалъ насъ къ изученію ея, къ любви къ ней, мы восторженно слушали его цѣлыми часами, и я увѣрена, что каждый изъ насъ клялся въ душѣ въ эти минуты посвятить этой родинѣ всѣ свои силы, отдать всю жизнь.

Единственная тогда женщина, посвятившая себя этому движенію въ Харьковѣ. была я, и я пользовалась горячими симпатіями этой молодежи. Такъ, на примѣръ, поэтъ Мова посвятилъ мнѣ прекрасное стихотвореніе.

Время украинскаго движенія 60-хъ годовъ совпало съ увлеченіемъ интеллигенціи воскресными школами, и я пошла туда. Въ нихъ учили, конечно, по-русски, и только моей обширной группѣ ученицъ я роздала грамматику Куліша и начала учить по-украински.

Какъ видите, въ этомъ описанномъ мною движеніи не было, очевидно, ничего антиправительственнаго, но мало-по-малу, оно начало обращать на себя вниманіе кого слѣдуетъ, возникли подозрѣнія, начались преслѣдованія. Когда передо мною возникъ тогда грозный вопросъ, хочу ли я «наперекоръ стихіямъ» упрямо стоять на своемъ и учить свой народъ, во что бы то ни стало, на родномъ языкѣ, или, идя легальнымъ путемъ, видѣть его просвѣщеннымъ,—я, послѣ недолгихъ колебаній, трезво избрала второй путь и прослужила ему всю мою жизнь...

«Ренегатка!»—воскликали иные изъ узкихъ патріотовъ, но я твердо шла намѣченнымъ путемъ. Однако бывали случаи, когда я расходилась во взглядахъ съ людьми, которыхъ глубоко уважала и которымъ горячо симпатизировала, какъ людямъ даровитымъ, фанатически любящимъ свой народъ. Таковъ былъ Б. Д. Гринченко. Когда мы купили имѣніе въ Екатеринославской губерніи, я первымъ долгомъ устроила тамъ народную школу и мечтала объ идейномъ учителѣ. Мнѣ указали на поэта Гринченко, и въ самомъ дѣлѣ, это былъ человекъ обаятельный. Деревенскій людъ горячо полюбилъ его, дѣти бѣжали въ школу, какъ на праздникъ, и дѣло шло прекрасно. Ему помогала его идейная жена, всѣмъ сердцемъ раздѣлявшая симпатіи мужа. У нихъ была маленькая умненькая, очаровательная дѣвочка Натка, 7 лѣтъ, не говорящая ни слова по-русски, одѣтая въ деревенскую, холщевую, мереженную сорочку и деревенскую спидничку, босенькая, стриженная по-деревенски. Это была очень остроумная дѣвочка и, глядя на наши роскошные завтраки и обѣды, говорила отцу: «И шо то за пани? усе їдять, усе пють, усе їдять, усе пють!» Мы очень любили ее, и она проводила у насъ въ саду цѣлые дни вмѣстѣ съ моей дочерью Христей.

Говорять, что у cadaго человека бываетъ свой пунктъ помѣшательства. Моимъ пунктомъ была мысль обучить, какъ можно больше женщинъ грамотѣ. Мнѣ казалось всегда, что

мужчины гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи. Что чувствовалось мною, конечно, и въ деревнѣ, при открытіи школы, и когда я уѣзжала на 3 мѣсяца за границу, въ ней было нѣсколько дѣвочекъ «первыхъ ученыхъ женщинъ въ деревнѣ», какъ шутя называли мы ихъ. До этого въ Славяносербскомъ уѣздѣ ни въ одной школѣ не было ни единой дѣвочки, и когда пришлось раздавать свидѣтельства и похвальные листы, они напечатаны были только для мальчиковъ, такъ что я посылала въ Харьковъ, чтобы заказать другіе.

Возвращаясь я изъ-за границы, вхожу въ школу и не вижу ни одной дѣвочки. Оказывается, что Б. Д. не сдѣлалъ новаго пріема, находя, что не слѣдуетъ калѣчить украинскую женщину обученіемъ на чуждомъ ей великорусскомъ языкѣ. Это было причиною того, что мы разстались съ нимъ, хотя отношенія наши до конца его жизни не переставали быть доброжелательными.

Между тѣмъ увлеченія мои всѣмъ украинскимъ были тоже очень сильны. Расскажу для иллюстраціи изъ моей ранней молодости слѣдующій случай. Въ Харьковѣ существовалъ не только украинскій кружокъ, но и великорусскій, находившійся въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ «хохлами». Въ немъ были тѣ же пѣсни, но, конечно, великорусскія, тѣ же собранія, тѣ же стремленія итти въ народъ. У нихъ были тѣ же таланты, и во главѣ кружка стоялъ чрезвычайно выдающійся человекъ, съ превосходнымъ голосомъ, Юрьевъ.

Бывали, какъ и теперь, спектакли и концерты въ театрахъ и общественныхъ собраніяхъ.

И вотъ однажды былъ назначенъ концертъ-состязаніе, какъ называли его, въ которомъ долженъ былъ выступить украинскій грандіозный хоръ и русскій. Мнѣ казалось тогда, что на этомъ состязаніи рѣшается судьба Малороссіи, и когда взвился занавѣсъ, у меня замерло сердце. Передъ глазами нашими открылась чудная картина: на декораціи лѣса стояло 80—90 человекъ въ типичныхъ украинскихъ костюмахъ, съ чисто украинскимъ типомъ. Дирижировалъ ими извѣстный дирижеръ-чехъ Паличекъ. Хоръ началъ тихо и стройно:

«Гомін, гомін по діброві
Туман поле покрыває»...

Это было такъ чудесно, что какая-то священная тишина охватила весь зрительный залъ.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней, не нарушая этой священной тишины. Казалось, всѣ прислушиваются и не смѣютъ нарушить ни единымъ звукомъ этихъ грустныхъ, печальныхъ, поэтическихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ вылилась вся душа народа. Наконецъ, первое отдѣленіе было окончено. Послышались сдержанные аплодисменты, но я ожидала не того,—я ожидала, что это будетъ цѣлая буря восторга, цѣлый громъ рукоплесканій. Но его не было. Когда подымался занавѣсъ, хоръ какъ-то сконфуженно снималъ свои барашковые шапки и сдержанно кланялся публикѣ.

Послѣ небольшого антракта занавѣсъ опять взвился, и взору нашему представилась другая картина: декорация изображала просторное поле, теряющееся вдаль, и только одна береза выступала въ этой шири ближе къ публикѣ. Человѣкъ 40—50 русскихъ мужиковъ (студентовъ) въ лаптяхъ, бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ, подвязанныхъ бичевкой, въ русскихъ шапкахъ, съ задорными перышками набоку, непринужденно, мужицкой походкой появились на сценѣ. Въ центрѣ ихъ былъ, конечно, Юрѣвъ, со своимъ типично русскимъ лицомъ.

«Во полѣ березонька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла»...

затянулъ онъ своимъ удивительнымъ теноромъ, забросивъ голову со свѣтлыми кудрями назадъ.

«Ай, люли, стояла,
Ай, да, люли стояла»...

подхватилъ громкій, стройный хоръ.

Публика, очевидно, была въ восторгѣ, выражая его неистовыми криками «браво», «bis», и побѣда была для меня очевидна.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней—удалая, разгульная, русская пѣсня. Мужики въ лаптяхъ подплясывали и прихлопывали въ ладоши и, казалось, весь театръ готовъ былъ подплясывать и прихлопывать. Я чувствовала, что все для меня въ жизни кончено. Съ трудомъ удерживая подступающія къ горлу рыданія, я уѣхала домой и не могла заснуть всю ночь. На другой день окружающіе мои съ удивленіемъ замѣтили на моихъ черныхъ, какъ смоль, волосахъ, нѣсколько прядей серебряныхъ волосъ...

Теперь я не способна, конечно, къ такимъ сильнымъ ощущеніямъ, но украинская пѣсня по-прежнему мила и дорога мнѣ, пѣсню это въ продолженіе 50 лѣтъ поетъ моя школа и ея не вытѣснила ни фабричная, ни солдатская пѣсня, ни сантиментальные барскіе романсы. И если вамъ придется когда-нибудь лѣтнимъ тихимъ вечеромъ по окончаніи занятій рабочаго люда гулять по окраинамъ Харькова и услышать гармоническій женскій хоръ, поющій одну за другою родныя пѣсни, и если вы, подойдя къ нему, спросите: «Кто научилъ васъ такому стройному пѣнію?»—вы, навѣрно, получите въ отвѣтъ: «Мы ученицы воскресной школы!»

Впрочемъ, пѣсня эта, помимо школы, проникла не только въ окраины города, но и въ село. Лѣтомъ мы жили, обыкновенно, на дачѣ, въ деревнѣ Григорьевкѣ, близъ Харькова. Къ намъ вечерами собиралась вся «Громада». И вотъ, нерѣдко въ григоровскому лѣсу можно было наблюдать такую картину: на огромной полянѣ, окруженной деревьями, вокругъ пылающаго костра, сидѣло до 80 человѣкъ молодежи, въ украинской одеждѣ, и лѣсное эхо далеко разносило украинскую пѣсню, а поотдалъ, за деревьями, какъ бы прятаясь отъ незнакомыхъ людей, стояли группами парубки и дивчата и жадно вслушивались, затаивъ дыханіе, въ родныя пѣсни. Я обыкновенно наблюдаю народъ, такъ какъ живо интересуюсь имъ, а потому я очень хорошо

видѣла и слышала, какъ мало-по-малу украинская пѣсня вытѣсняла фабричную, которую занесли сюда дивчата, работающія на мойкахъ, и парубки, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Такимъ образомъ, къ концу лѣта почти не слышно было этихъ безобразныхъ пѣсень, а всюду царили украинскія.

Я не пишу больше «метеликів», но Шевченко играетъ почетную роль въ нашей школѣ, и многія ученицы декламируютъ его такъ, какъ не декламируютъ подчасъ и заправскіе актеры. Среди нашихъ школьныхъ веселыхъ праздниковъ дано мѣсто и украинскимъ танцамъ, такимъ поэтическимъ и граціознымъ, по сравненію съ кадрилими и польками, неуклюже танцуемыми ученицами, не бывшими въ наукѣ у танцмейстера.

Я не ношу теперь очипка и бѣлой свитки, но очень люблю украинскій костюмъ на нашихъ милыхъ дивчатахъ-ученицахъ, не стыдящихся его и въ городской деморализующей обстановкѣ.

Послѣднимъ, только-что состоявшимся актомъ, говорящимъ о любви моей къ родинѣ, является между прочимъ слѣдующее обстоятельство: кромѣ воскресной школы я состою попечительницей одного изъ городскихъ училищъ и годъ тому назадъ начала свои хлопоты о томъ, чтобы училищу этому присвоить имя Шевченко. На-дняхъ я получила на то разрѣшеніе. Такимъ образомъ, если не ошибаюсь, это первая школа въ Россіи, наименованная дорогимъ для насъ именемъ, и я мечтаю о томъ, какъ введу въ нее родную пѣсню и поэзію.

Вотъ все то небольшое, что я сдѣлала въ жизни для своей родины, для своего народа. Не знаю, убѣдитъ ли оно васъ въ моей любви къ нему.

Въ томъ же духѣ любви къ родинѣ воспитывала я и своихъ дѣтей и, кажется, успѣла въ этомъ.

Искренно преданная вамъ

Х. Д. Алчевская.

Библиотека „Наукового Товариства ім. Шевченка“ въ Львовѣ.

Въ украинской газетѣ «Діло» (№ 18) напечатана обстоятельная статья бібліотекаря украинскаго Научнаго общества имени Шевченка г. І. Кревецкаго о состояніи этой бібліотеки въ минувшемъ 1911 г. Библиотека по отдѣлу печатныхъ произведеній насчитывала 22.474 номера въ количествѣ 59.424 томовъ; по отдѣлу рукописей — 415 названій. Библиотека пополнялась путемъ: 1) покупки соотвѣтствующихъ книгъ и рукописей въ книжныхъ магазинахъ, антикварныхъ лавкахъ и у частныхъ лицъ; 2) обмѣна изданиями Научнаго Общества и дубликатами бібліотеки съ различными научными учрежденіями, редакціями и частными лицами, и 3) путемъ пожертвованій. Въ истекшемъ году поставщиками книгъ для бібліотеки, кромѣ мѣстныхъ (львовскихъ) книжныхъ магазиновъ, являлись цѣлый рядъ книжныхъ магазиновъ въ различныхъ центрахъ Европы, а именно: въ Вѣнѣ—6, С.-Петербургѣ—5, Парижѣ—2, Лейпцигѣ—3,